

С.А. РОМАНЕНКО
РАСПАД ЮГОСЛАВИИ:
«ЗАГОВОР» ИЛИ
ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕИЗБЕЖНОСТЬ?

При анализе событий в Югославии в конце 1980-х – начале 1990-х годов необходимо различать четыре различные стадии конфликта: общий кризис югославского государства, кризис его исторической формы – этнотерриториальной федерации, каковой была Социалистическая Федеративная Республика Югославия, ее распад, война между государствами–наследниками и внутри самих этих государств, ставшая одновременно и осуществлением военным путем национального самоопределения.

Эти принципиально разные по своей сути явления, к сожалению, часто рассматривают либо как единое целое, либо как стадии или формы одного процесса, с фатальной неизбежностью сменявшие одна другую. Но их необходимо четко различать: данный кризис не вел неминуемо к распаду, не было и исторической неизбежности выбора военного пути обретения национального самоопределения. Возможность избежать войны после распада единого государства существовала. Хотя из этого вовсе не следует, что эта война не имела причин, коренящихся в далеком и не очень далеком прошлом, не была обусловлена исторически. Но национальные движения словенцев, хорватов и босняков (мусульман), а также власти Словении, Хорватии и Боснии и Герцеговины изначально не ставили задачи национального самоопределения и обретения государственной независимости именно военным путем.

Кроме того, часто ошибочно отождествляется создание национального независимого государства с утверждением свободы и демократии. Так же, как и восстановление рыночной экономики не означает автоматического установления демократии и устранения социальных, межэтнических и межгосударственных конфликтов.

Кризис

Кризис общего государства южных славян, возникшего в 1918 г. и восстановленного в 1945 г., был обусловлен исторически. Одно из государств–наследниц монархии Габсбургов – Югославия в первый раз распалась в 1941 г. после военного поражения вследствие внутренней слабости централизованного полиэтничного государства. Во второй – в 1991–1992 гг., в результате продолжения процессов национального самоопределения, совпадения в один исторический момент общих системных кризисов при отсутствии развитого общегосударственного рынка, полиэтничного гражданского общества и политической власти, способной примирить народы и создать основу для единого государства.

- ¹ Романенко С.А. Югославия: от «братства и единства» к войне и распаду // *Очаги тревоги в Восточной Европе*. М., 1994. По указанному проблематике идет широкая дискуссия между учеными разных стран, школ и направлений. См., напр.: Волков В. Трагедия Югославии // *Новая и новейшая история*. 1994. № 4–5. С. 3–32; Балканы между прошлым и будущим. М., 1995; Зудинов Ю., Кандель П., Романенко С., Цехмистренко С. *Россия на Балканах* // *Carnegie Endowment for International Peace. Московский центр Карнеги. Доклады*. М., 1996. № 8. С. 9–47; Конфликты в послевоенном развитии восточно-европейских стран. М., 1997; *Новые славянские диаспоры*. М., 1996; *Право народов на самоопределение: идея и воплощение*. М., 1997; *Этнополитические конфликты на территории СНГ*. М., 1996; *Evropa i raspad Jugoslavije*. Beograd, 1995; *Zechewih M. Jugoslavija 1918–1992*. Beograd, 1994; *Denic B. Etnicki nacionalizam. Tragicna smrt Jugoslavije*. Beograd, 1996; *Bilandzic D., Covic B., Jurkovic P. and others. Croatia between war and independence*. Zagreb, 1991; *Tomac Z. The Struggle for the Croatian State*. Zagreb, 1993.

В число этих кризисов входят кризис тоталитарной политической системы; кризис распределительной (хотя и с элементами рынка) экономики в форме самоуправленческого социализма; кризис коммунистической идеологии; кризис этнотерриториальной федерации как формы национального самоопределения; кризис теории и практики югославизма как этнической и политической основы для образования многонационального и полиэтничного государства, одной из региональных разновидностей «славянской идеи».

Существенное воздействие оказали и внешние факторы: система международных отношений Версаль – Потсдам – Хельсинки изжила себя, столкнувшись с противоречивыми процессами национального самоопределения и необходимостью сохранения существовавших государственных границ. Изжила себя и прежняя система блоков и глобального противостояния, в которой Югославия играла роль «буфера» и посредника, в чьей стабильности были заинтересованы все стороны¹.

Особую остроту югославскому кризису придало совпадение по времени перехода к новой экономической – рыночной – системе (сопровождаемого переделом собственности) с национальным самоопределением. Поскольку ни в СФРЮ, ни в отдельных республиках, после 1991 г. ставших независимыми государствами, как уже отмечалось, не сложилось развитое полиэтничное гражданское общество, передел собственности происходит по этническому признаку, когда этническая общность, а не личность является субъектом государственного, имущественного и прочих видов права. Здесь утвердилась модель не полиэтничного государства–нации, как в Западной Европе, а моноэтничного государства–национальности.

В условиях полного краха прежней интернационалистической идеологии, отсутствия гражданского общества, социальной маргинализации и распада государства в массовом сознании понятие национальности отождествляется с нацией и государством. Понятие имущественного права и социальных гарантий связывается лишь с принадлежностью индивида к этнической общности, которая якобы и может обеспечить эти гарантии. Но вместо примата прав гражданина, индивидуума по-прежнему провозглашается примат права коллективов, общностей – на этот раз этнических. Модель государства–национальности часто связывается с «особым» – национальным или региональным – путем социального и экономического развития, якобы возможного как альтернатива западноевропейской политической культуре. В таких условиях неизбежно и возникновение конфликтов (при отсутствии традиций согласования интересов в политической культуре) и их криминализация. Более того: поскольку сербы, хорваты и босняки в ряде районов Хорватии, а также Боснии и Герцеговины в течение долгого исторического периода проживают совместно или чересполосно, образование трех моноэтничных государств невозможно без насильственных мер – вынужденного массового переселения, депортации или вооруженного захвата спорных, т.е. общих территорий. Насилие имеет исторические корни: в течение

длительного совместного проживания сербов, хорватов и боснийских мусульман между ними всегда шло скрытое соперничество, в том числе и политическое. И в разные моменты то хорваты объединялись с мусульманами против сербов, то сербы с мусульманами против хорватов, то хорваты и сербы выступали против мусульман².

² Подробнее об этом см.: Евстигнеев В., Романенко С. Экономика и национализм // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 2. С. 85–91.

Югославизм как антитеза моноэтническому национализму оказался несостоятельным, ибо, подобно всем остальным панславистским теориям, был основан все на той же идее и психологии этнического родства, являлся, по сути, полиэтническим национализмом, который так или иначе, раньше или позже ведет к отрицанию этнической индивидуальности и вступает в противоречие с процессом самоопределения этнических общностей. Из интегрирующего югославизм превратился в сильный дезинтегрирующий фактор по отношению к общему государству югославянских народов. История Югославии и доказала, что ни югославизм, ни этнический национализм, ни «пролетарский интернационализм» не могут стать прочным фундаментом государства и предотвратить межэтнические конфликты родственных народов.

Исторический парадокс состоит в том, что угроза национальному существованию каждого югославянского народа происходила как из сохранения общего югославского государства в том виде, в котором оно существовало до и после второй мировой войны, так и из распада этого государства, последствия которого мы наблюдаем в наши дни.

В перспективе югославизм не мог служить реальной и долговременной альтернативой идее монархии, вел к конфликтам. Он препятствовал внутри- и межэтническим интеграционным процессам, способствовал партикуляризму, изоляции более отсталых областей. Национальное и этническое единство нескольких народов было иллюзией, так же, как и попытки примирить противоречия между ними путем объединения в одно государство, создать один «сербско-хорватский» язык. Иллюзорными оказались и попытки придать конфликтам характер столкновения между православными (т.е. в основном сербами и черногорцами), с одной стороны, и католиками (в основном хорватами) и боснийскими мусульманами (потомками сербов и хорватов, принявших во время османского завоевания ислам) – с другой. Это ни в коем случае не религиозные конфликты, хотя, конечно, конфессиональная принадлежность играет значительную роль в формировании самосознания каждого народа.

Выдвигавшиеся проекты реформ «титовской» Югославии были объективным отражением реальных тенденций в жизни государства. Проекты федеративного и конфедеративного переустройства не были тождественны требованию полного государственного отделения. Каждый из народов Югославии искал свои пути обретения и формы самоопределения.

В 60–70-е годы XX в. процесс самоопределения народов Югославии, в первую очередь югославянских, затрагивал в основном этнокуль-

турную и конфессиональную стороны национального сознания. В 80–90-е годы он приобрел ярко выраженный политический характер, распространился на область экономики. И возник вопрос, что сильнее и почему – логика национализма, толкающая к созданию собственных национальных государств, или логика экономического развития, требующая более тесной интеграции? Почему именно сейчас побеждает логика национализма вопреки очевидным экономическим потерям?³

Одна из основных причин кризиса и распада Югославии – процесс самоопределения неполноправных этнических общностей этого государства – хорватов, словенцев, боснийских мусульман и др. Причина войны, т.е. осуществления процесса самоопределения военным путем, состоит в том, что распад единого государства означал не только самоопределение неполноправных народов, но и бывшей государствообразующей нации–национальности – сербов.

Распад

Борьба центробежной и центростремительной тенденций присуща любому многонациональному и полиэтничному государству независимо от социально-экономического строя и политического устройства. Эта борьба обусловлена самой природой этнической общности, стремящейся к самоопределению, на каждом витке своей истории – в новой форме. Центробежная тенденция может быть во многом смягчена максимальной демократизацией в полиэтничном государстве. А усиление авторитарных и централистских тенденций, нарушение нормального развития общегосударственного рынка и нарастание сопротивления неполноправных народов в условиях войны, военного поражения или чрезмерно милитаризованной экономики ведет к утрате широкой полиэтничной социальной базы государства, к его развалу. Опыт показывает также, что развитие полиэтничных и многонациональных государств с этнически родственными составом населения подчиняется тем же закономерностям, что и развитие подобных государств, в которые входят этнически далекие друг от друга народы.

Кровавый распад Югославии – результат не только внутреннего развития этого государства и межнациональных отношений в нем. События начала 90-х годов – следствие европейской истории, воздействия «внешнего фактора», затрагивавшего как межнациональные, так и межгосударственные отношения в регионах Центральной и Юго-Восточной Европы и во всем мире. Вспомним, что из-за войны, начавшейся с австро-сербского конфликта в 1914 г., прекратила существование Австро-Венгрия во главе с австро-немецкой династией Габсбургов. В ряду независимых государств, возникших на ее месте, было и Королевство СХС (позднее – Югославия), стоявшее на фундаменте сербской монархии Карагеоргиевичей, независимое государство южных славян. Оно рухнуло и возродилось в результате новой мировой войны, сопровождавшейся взаимоистребительной борьбой югославянских народов. И новый распад Югославии в конце XX в. привел населявшие ее народы к междоусобной войне.

³ См. об этом: *Letica S. Četvrta Jugoslavija. Zagreb, 1989; Milardovic A. Nove stranke Hrvatske '90. Bilje, 1990; Milardovic A. Politicke stranke u Republici Hrvatskoj. Osijek–Zagreb–Split, 1997. Milic M. Politicke stranke u Jugoslaviji. Beograd, 1990; Sto jest i sto hoce HDZ. Zagreb, 1990; Социалистическая Федеративная Республика Югославия. М., 1985; Ramet S.P. Nationalism and Federalism in Yugoslavia. Bloomington–Indianapolis, 1992; Cuvalo A. The Croatian National Movement 1966–1972. Columbia, 1990; The Columbia History of Eastern Europe in the Twentieth Century. N.Y., 1992.*

Распад СФРЮ, наряду с другими факторами, был обусловлен конфликтом этнических общностей и государства в процессе национального самоопределения, тем фактом, что это государство изжило себя исторически (конфликт этнос – государство), а также столкновениями национальных движений народов, населявших это государство, между собой. Наступил новый этап в процессе самоопределения южнославянских народов, которым оказались тесны рамки этнотерриториальной федерации. Поэтому совершенно нелепо искать «плохих людей», персонально «виновных» в распаде Югославии.

При изучении проблемы автономии как внутренней проблемы полиэтничного государства мы видим, что автономия, основанная на феодальном политико-территориальном принципе, превращается в этнополитическую и начинает рассматриваться как особая форма национальной государственности (этнополитическое образование) в рамках единого полиэтничного государства. Это неизбежно приводит идею автономии в противоречие с общеимперской – общегосударственной идеей и законами, с идеей государствообразующей национальности и ставит вопрос о государственном самоопределении. Неизбежно происходит столкновение по мере развития процесса самоопределения «титულიной автономной» этнической общности, ее национального движения и государственной власти. Наступление на автономии характерно для последнего периода существования Австро-Венгрии и Югославии. Негативно воспринимается идея автономии в Сербии и Хорватии.

В этих условиях распад государства становится практически неизбежным. Не случайно все стороны, вовлеченные в югославский конфликт, в 1991–1995 гг. многократно игнорировали возможные компромиссные варианты урегулирования общего кризиса государства или его мирного распада. Политическая автономия как форма политического и этнокультурного самоопределения этнических общностей на данном этапе не способствует сохранению полиэтничных государств. Тем более это относится к автономии бывшей «государствообразующей» этнической общности, превратившейся в новом государстве в национальное меньшинство.

Если раньше автономия рассматривалась как гарант целостности многонационального государства, как способ удержания национальности (этноса) от государственного самоопределения в форме отделения и создания независимого государства (из военно-стратегических соображений или в качестве уступки национальному движению), то по мере усиления процесса политического самоопределения неполноправных народов она становится с точки зрения центральных властей и сознания государствообразующей национальности–нации дезинтегрирующим фактором, чреватым сепаратизмом. Отсюда – стремление ликвидировать автономию и тем самым якобы сохранить целостность. Власти становятся перед дилеммой: сохранять или не сохранять целостность государства, если сохранять, то с помощью централистских мер или путем децентрализации государственного устройства, федерализации,

конфедерализации, повышения статуса автономии и т.д. При этом этнотерриториальная автономия не тождественна самоуправлению.

У национальных движений неполноправных народов иной выбор – какую форму автономии, территориальную или экстерриториальную, предпочесть, оставаться или нет в составе прежнего полиэтничного государства, соглашаться или нет на усеченные в любом случае суверенитет и государственность, как строить отношения с национальными меньшинствами в рамках автономии, в том числе и с национальным меньшинством бывшей государствообразующей национальности распавшегося государства⁴.

Внутриэтнические консолидационные процессы, подогреваемые неудовлетворенностью положением своего этноса в полиэтничном государстве, соединяясь с идеологическими традициями национальных движений и психологией многолетней борьбы за освобождение, приобрели гипертрофированную форму и начали преобладать над межэтническими процессами консолидации и связями, в основе которых лежало югославянское сознание. Эти внутриэтнические процессы частично совпали с центробежными тенденциями в политике республик. Центр ничего не смог противопоставить этому, кроме усиления централистских мер и пропаганды югославянского унитаризма. Но чем сильнее были централистские тенденции, тем сильнее оказывалось стремление к дезинтеграции и децентрализации государства, приведшее в конце концов к его развалу⁵. И Югославия не исключение. Опыт ее предшественницы – Австро-Венгрии, как и Российской империи и СССР, доказал это со всей очевидностью.

Правители Югославии не усвоили урок монархии Габсбургов: рано или поздно принцип централизма и унитаризма, этнотерриториальной федерации и автономии себя изживает, фундаментом государства может стать только развитое гражданское полиэтничное общество. Но оно не сформировалось в Югославии за все 80 лет ее существования. А чем сильнее централизаторские, унификаторские, тоталитарные и центро-стремительные тенденции в политике правящих кругов и в настроениях государствообразующей «титовской» национальности–нации, тем сильнее центробежные, децентралистские, антитоталитарные (часто не по сути, а по форме) тенденции национальных движений, тем больше растет взаимная межэтническая нетерпимость, тем меньше шансов сохранить целостность государства.

В 1991–1992 гг. созрели политические и психологические предпосылки для военного решения межэтнического и социального конфликта. Можно выделить две стадии и формы конфликта: на первом это был конфликт всех неполноправных народов с государствообразующей нацией–национальностью – сербами, на втором – во вновь образовавшихся государствах противостояние сербов, ставших меньшинством, и новых государствообразующих наций–национальностей, превратившихся в большинство, которые стали стремиться к созданию государства на основе национальности–нации или моноэтнического государства.

⁴ См.: Romanenko S. *National Autonomy in Russia and Austria-Hungary. A Comparative Analysis of Finland and Croatia-Slavonia // Nationalism and Empire. The Habsburg Empire and the Soviet Union.* N.Y., 1992.

⁵ См.: Silber L., Little A. *Smrt Jugoslavije.* Opatija, 1996.

Исключение составляет Босния и Герцеговина, поскольку полиэтничное государство – единственно возможная форма государства, которое босняки считали бы своим. А создать свое моноэтническое боснячко-мусульманское государство шансов у них нет⁶. Сербы же не смогли примириться с крушением государства, которое считали своим этническим государством; а сербы в Хорватии и Боснии и Герцеговине не смогли смириться со своим новым положением национального меньшинства, к которому не были готовы ни психологически, ни юридически.

Эти обстоятельства стали одной из главных причин войны, независимо от субъективных стремлений и интересов политиков и группировок. Хотя известны и иные пути решения этой исторической проблемы⁷.

Нынешняя война – вторая в истории после распада Югославии. Первая бушевала в 1941–1945 гг., сочетая элементы гражданской и национально-освободительной войн, а также межэтнического конфликта⁸. Стремление республиканских элит к полноте власти, использование, разжигание этнического национализма в процессе нового самоопределения и распада составляет не только их историческую и политическую, но и юридическую вину. Стремление к пересмотру внутрифедеральных границ, превратившихся в государственные, попытки привести их в соответствие с принципами естественного (этнического) и исторического государственного права и стали одной из главных причин войны.

В распаде СФРЮ и в начале войны существенную роль сыграла Югославская Народная армия. В условиях многонационального государства, особенно в период роста центробежных тенденций, «общенародная оборона» и всеобщая воинская обязанность очень быстро превращаются из гаранта целостности и фактора стабильности государства в фактор нестабильности и обретения национальной независимости вооруженным путем. Масса людей получает военную подготовку, проникается конфликтным и милитаристским мышлением, убеждением, что сила – единственный путь осуществления своих прав, что субъектом права является общность, что «большинство всегда право», а отдельная человеческая личность и меньшинство абсолютно бесправны. Все это соединяется с традициями этнического национализма. При распаде многонационального государства государственное сознание, скрепленное присягой, неизбежно вступает в конфликт с этническим самосознанием и, как показывает история, неизбежно проигрывает ему⁹.

Поэтому невозможно использование этой армии в качестве буферных, миротворческих и прочих сил при глубоком кризисе. Она неизбежно распадается и втягивается в конфликт, не только не способствуя его урегулированию, но, наоборот, усиливая его.

Следует также иметь в виду, что страна с милитаризованной экономикой в больших количествах производит вооружения, охотно закупает их за рубежом. Милитаризованная экономика не терпит никаких рыночных отношений, неизбежно толкает к централизму, в том числе и в области межэтнических отношений, а централизм – к росту дезинтеграционных тенденций и в экономике, и в политике, и в межэтнических

⁶ См.: Конституции государств Центральной и Восточной Европы. М., 1997; Устав Савезне Републике Југославије. Београд, 1992; Устав Републике Србије. Београд, 1992; Устав на Република Македонија. Скопје, 1993; Устав Републике Хрватске. Загреб, 1992; Устава Републике Slovenije. Ljubljana, 1993; Устав Федерације Босне и Херцеговине // Слободна Далмација. 1994. 22–27. озујка; Нови устави на тлу бивше Југославије. Београд, 1995.

⁷ См.: Балкани между прошлым и будущим. М., 1995; Rudolph Richard L. National Minorities in East Central Europe and the Balkans in Historical Perspective // Working Papers in Austrian Studies. May 1992.

⁸ См., напр.: Биланджич Д., Чович Б., Јурковић П. и др. Хорватия между войной и самостоятельностью. Загреб, 1991. Зечевић М. Оп. cit.; Đuraković N. Оп. cit.; Imatović M. Historija Bosnaka. Sarajevo, 1998; Pirjevec J. Оп. cit.; Prunk J. Оп. cit.

⁹ Кадијевић В. Моје видене распада. Београд, 1993; Leticia S. Оп. cit.

отношениях. Сохраняется психология приказной экономики. Й.Броз Тито, подобно своему учителю И.В.Сталину, сам выковал оружие кровавого распада своего государства – и организационно, и идейно, и психологически.

Конфликт в Югославии имеет глубокие исторические корни. В XX в. сербы и хорваты использовали различные формы национального самоопределения. Сербы обладали собственным независимым государством (княжеством, затем королевством), национально-церковной автономией в монархии Габсбургов. Сербские земли составляли часть унитарной и централизованной межвоенной Югославии, а во время германской оккупации была создана «национальная администрация». После окончания второй мировой войны и победы антигитлеровской коалиции Социалистическая Республика Сербия получила такой же статус, как и все остальные республики, оставаясь при этом центром и фундаментом общего государства СФРЮ. Вместе с тем, значительная часть территорий, на которых проживали сербы в течение веков, часто совместно с другими народами, оказались либо в составе Хорватии, либо в Боснии и Герцеговине.

Между тем в сознании бывшей государствообразующей национальности самоопределение отождествляется с величием, а величие – с военной мощью и размером территории без определения экономической жизнеспособности и эффективности данного образования, без учета уровня жизни и обеспеченности прав жителей. Это выдается за некий «особый национальный путь развития». Подобный подход обернулся трагедией сербского народа.

Что касается хорватов, то они обладали территориально-политической автономией и в государстве Габсбургов, и в межвоенной Югославии, их территория была разделена на несколько административных регионов и в королевской Югославии. У них было псевдонезависимое национальное государство в период германской и итальянской оккупации в годы второй мировой войны. Наконец, в послевоенной Югославии их республика формально имела такой же статус, как и остальные члены социалистической федерации.

Трагедия хорватского народа, идеи создания им собственного независимого государства состоит в том, что, разочаровавшись во второй половине XIX в. в своих надеждах на Россию и Францию, наиболее радикальная часть местного национального движения обратила свои взоры на Австрию и Германию. После поражения Германии в двух мировых войнах все сторонники государственной независимости Хорватии неизбежно воспринимались не только российским, но и мировым общественным мнением как сторонники германского милитаризма и фашизма. Не говоря уже о теории и практике Независимого Государства Хорватия времен второй мировой войны, печально известного целенаправленным уничтожением сербов, евреев и цыган. Но сама по себе идея национального независимого хорватского государства не имеет ничего общего с фашизмом. У нее та же историческая и этническая

обусловленность, та же правовая легитимность, что и у идеи создания подобных государств другими народами, в том числе и сербами.

Трагедия босняков (мусульман) носит особый характер. Будучи потомками славян, принявших во времена османского господства ислам, сегодня они платят страшную цену за своих предков. Являясь светскими людьми, в основном этническими славянами и коренными европейцами, они во многом становятся чужими и для Европы, в сознании которой витает образ мусульманина-террориста фундаменталистской ориентации¹⁰. Многие европейцы опасаются возникновения на континенте мусульманского государства. Между тем именно такая позиция толкает национальное движение босняков (мусульман) (а теперь и наиболее воинственную часть албанского национального движения в Косово) обращаться за помощью и поддержкой к наиболее радикальным силам в исламском мире.

Но Босния и Герцеговина, несмотря на сильные тенденции к исламизации в политической и духовной жизни Федерации Боснии и Герцеговины, входящей наряду с Республикой Сербской в состав БиГ, – светское полиэтничное и многонациональное государство, в котором проживают босняки (мусульмане), сербы и хорваты. И именно в этом качестве БиГ была признана международным сообществом, в том числе и Россией, в 1992 г. Трагедия босняков усугубляется еще и тем, что, в отличие от сербов и хорватов, у них нигде в мире, а не только в Европе, нет своего государства. Если их изгнать с родины, они и в Европе, и в США будут беженцами и изгоями. Вряд ли они приживутся и в тех мусульманских странах, которые стремятся послать в Боснию войска и оружие.

Трагедия югославских демократов всех национальностей состоит в том, что они не видели проблемы самоопределения бывших государствообразующих наций–национальностей после распада многонациональных государств, не смогли объединиться и создать сильную идейную и действенную политическую альтернативу этническому национализму и авторитаризму, как до распада СФРЮ, так и во вновь образовавшихся независимых государствах СРЮ, Хорватии, Боснии и Герцеговине.

Следует также иметь в виду, что конфликт в Югославии – это гражданская война посткоммунистических режимов против народа (в социальном значении термина «народ»), позволяющая им не проводить давно назревшие экономические, социальные реформы, препятствовать деятельности демократической оппозиции и формированию ею сильных политических организаций. В отделившихся от Югославии независимых республиках у власти оказались бывшие коммунисты, люди тоталитарного мышления и политической культуры. Справедливости ради надо сказать, что тоталитарная идеология и психология господствуют и в сознании значительного большинства населения. Национальные противоречия, помогающие бывшим коммунистам удерживаться у власти,

¹⁰ См.: Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998.

превратились в средство борьбы и в идейно-психологическое обоснование и оправдание проводимой политики.

На первом этапе это была война центра против республик, армии против народа. Это был кровавый распад и коммунистического государства, и искусственного образования Югославии. Во вновь созданных республиках, ставших независимыми государствами, либеральная, демократическая оппозиция очень слаба и малочисленна, а ее составные части расколота. Один из многочисленных парадоксов истории Югославии состоит в том, что власть имущие, создававшие и удерживавшие целостность этого многонационального государства исключительно силой, преследовали именно тех людей и те организации, которые могли бы предотвратить, если не распад, то трагедию войны – истинных демократов. Впрочем, слабость демократических сил Югославия получила в наследство и от государства Габсбургов, и от королевства Сербия – моноэтничного государства, не имевшего ни опыта, ни желания, ни возможностей для смягчения межнациональных и межэтнических конфликтов. Демократические организации, представленные в основном небольшими группами интеллектуалов, не смогли найти общий язык с более массовым антивоенным движением. Это стало одним из наиболее трагических последствий режима Тито и его наследников, видевших в демократах угрозу государству, подвергавших их то более, то менее жестоким репрессиям.

Оказалось разрушенным и общегославское интеллектуальное и культурное пространство, от чего проиграли культура и наука во всех республиках. Более того, многие интеллектуалы стали на службу новым властям и начали «обосновывать» войну и межэтническую враждебность¹¹.

¹¹ Романенко С.А. Югославия: от «братства и единства»...: Он же. История и истории в межэтнических конфликтах в конце XX века. По челу возрождается сознание «закрытого общества»? М., 1997.

Кризис Югославии нарастал по мере обострения отношений государствообразующей национальности – нации – сербов и их республики с другими народами и их государственными образованиями в рамках СФРЮ и самой Сербии. Но попытки силой противодействовать давно назревшим реформам лишь ускорили распад Югославии и привели к печальным последствиям. Первоначально обострились сербо-албанские отношения в Косово и связанная с этим проблема автономий. Автономные округа Косово и Воеводина, имевшие общегосударственный статус, были упразднены решением руководства Сербии в 1988 г. В 1989–1991 гг. стали нарастать противоречия между Сербией и Словенией, Сербией и Хорватией. Первоначально республиканские власти использовали политические методы и экономические рычаги. Венцом стали вооруженные столкновения в Словении между Югославской Народной армией и силами самообороны в 1991 г., начавшаяся в том же году война в Хорватии, в которой помимо служащих регулярной армии участвовало и население. Наконец, в 1992 г. разразилась война в Боснии и Герцеговине.

К настоящему моменту из национально-территориальных проблем распавшейся СФРЮ решенными можно назвать сербско-словенский

конфликт (хотя до сих пор остается открытым общий для всех государств вопрос правопреемства и наследования имущества) в силу того, что словенцы на территории этого государства составляют абсолютное большинство и у Словении нет общих границ с Сербией, а также сербско-хорватский конфликт – после реинтеграции Восточной Славонии в состав Хорватии, вывода оттуда международных воинских контингентов и восстановления полного суверенитета Хорватии в 1995–1997 гг.

Дейтонские соглашения часто критикуют. Действительно, они полны противоречий, и выполнение их идет гораздо медленнее, чем хотелось бы. Но критикующие, как правило, не выдвигают собственных альтернативных планов урегулирования и поддержания мира. Ведь суть проблемы состоит в том, что единственной альтернативой полиэтничной Боснии может быть только Босния, разделенная на моноэтнические образования. А это рано или поздно приведет к ее разделу между Сербией и Хорватией при возможном существовании крошечного боснийско-мусульманского государства. Но и такой передел не будет означать стабильности, поскольку сохранятся территориальные проблемы, которые наверняка опять дадут знать о себе. А для предотвращения войны в подобной ситуации по-прежнему будут необходимы международные силы по поддержанию мира.

Вызванные объективными причинами недостатки, внутренние противоречия и трудности в осуществлении Дейтонских соглашений состоят в том, что их реализация не может пока создать основы для совместного проживания трех народов. По-прежнему отсутствуют экономическая заинтересованность в совместном проживании, основа полиэтничного гражданского общества, все еще господствуют конфликтное сознание и политическая культура¹².

¹² *Unfinished Peace. Report of the International Commission on the Balkans. Washington, 1996.*

Создание моноэтнических государств на месте одного полиэтничного и многонационального не может привести к прочному миру, ибо взаимные претензии национальных движений, в первую очередь территориальные, возведенные в ранг государственной политики, сохраняются. Но и реализация подписанных соглашений, предусматривающих возвращение беженцев и воссоздание многонационального состава населения в границах единого государства Босния и Герцеговина, объективно ведет к воспроизводству той этнополитической ситуации, которая породила войну. Помимо прочего, при возвращении беженцев вполне возможны этнические конфликты на имущественной почве, ибо имуществом возвращающихся изгнанников уже завладели другие люди другой национальности.

В случае «принуждения к миру» в Косово, даже если оно окажется успешным с военной точки зрения, возникнут те же противоречия, которые до сих пор не удалось решить в Боснии и Герцеговине. Международная администрация окажется перед нелегким выбором. Противодействие радикальным националистам будет вмешательством во внутренние дела и нарушением принципа национального самоопределения и свободного волеизъявления. А в случае нового прихода к власти демо-

кратическим путем под международным контролем недемократических и воинственных сил будет утрачен смысл не только договора, но и всей операции.

Поэтому Европе, стремящейся быстро поднять Боснию и Герцеговину до уровня развитых стран, необходимо вспомнить исторический опыт Австро-Венгрии. Сегодня, как и в 1878 г., стоит, хотя и в видоизмененном виде и в иной исторической обстановке, вопрос: каким образом и за какой срок отсталые в сфере экономики и инфраструктуры территории без соответствующей социальной базы, с иными традициями межэтнических отношений и государственности могут в течение года влиться в европейское сообщество? Ведь деятельность Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине, направленная именно на европеизацию этих областей и, наряду с очевидными недостатками, имевшая и реальные достижения, прекратилась в 1914 г.

Только время покажет, насколько эффективными, выполнимыми и долгосрочными окажутся Дейтонские соглашения. До сих пор сохраняется опасность возникновения нового вооруженного конфликта между тремя народами, населяющими Боснию и Герцеговину, в случае вывода отсюда международных воинских контингентов и полицейских сил. А полномасштабная война, которая охватит не только Косово, Сербию и Югославию, но и значительную часть региона Юго-Восточной Европы (Балкан), может вспыхнуть в любой момент...

**Выборы
1997–1998 гг.:
продолжение
конфликта или
примирение?**

21 декабря 1997 г. закончился избирательный марафон в государствах, образовавшихся после распада Социалистической Федеративной Республики Югославия. Президентские, парламентские и местные выборы прошли в Хорватии, Югославии и двух входящих в нее республиках (Сербии и Черногории), Боснии и Герцеговине и одной из ее составных частей – Республике Сербской.

Конечно, выборы в каждой из трех стран «третьей» Югославии – СРЮ, Хорватии и Боснии и Герцеговине – имели свои особенности. Нельзя не учитывать и отличие местных выборов от парламентских и тем более президентских. Но во всех трех странах на выборах всех уровней было много схожего. Да иначе и быть не могло, так как и избиратели, и политические партии, и руководители государств независимо от национальности принадлежат одному времени, одной политической культуре, в недавнем прошлом одному государству. У сербов, хорватов, босняков (мусульман), живших во многих местах чересполосно и совместно, возникли однотипные тенденции к самоопределению, выразившиеся в стремлении создать этнические государства на всей территории своего проживания. Даже после распада СФРЮ и кровавой междоусобной войны постюгославское пространство политически продолжает существовать, как бы ни отрицали этот факт политики каждого из новосозданных государств. Изменение политической ситуации в одной стране часто оказывает влияние и на две соседние, прежде всего на установление мирных отношений между ними. Итоги выборов и

другие политические события в одной из них тотчас находят отклик в каждой из соседних стран, между средствами массовой информации которых продолжается то явная, то скрытая полемика.

Ни в СРЮ, ни в Хорватии, ни в БиГ еще не сложилось, да и не могло сложиться гражданское общество с четко структурированными социальными, политическими интересами и идейными предпочтениями. Повсюду население представляет собой характерные для периода краха социализма маргинализованные общности, группирующиеся по этническому принципу.

Нынешние избиратели, лишенные реальных жизненных перспектив, страдающие от последствий бомбежек, обстрелов и этнических чисток, с одной стороны, никому не верят, с другой – еще испытывают доверие к харизматическим лидерам. Они нуждаются в этом доверии. Коммунистам и националистам свои голоса отдают как раз те слои, которые в наибольшей степени пострадали от их политики. И этот парадокс – следствие не только массивной пропаганды и отсутствия объективной информации, но и самого восприятия, сложившегося мироощущения многих сербов, хорватов, босняков-мусульман и черногорцев. Не говоря уже о том, что война создает благоприятную почву для распространения коллективистских – социальных или этнических – идей и настроений. Избиратели еще не готовы голосовать за политиков, придерживающихся иных идей и исповедующих иные ценности. К тому же эти политики слабы, а их партии не обладают значительным влиянием. И у избирателя нет выбора. Голосование 1997 г. не превратилось в акт гражданского примирения, а осталось иной формой межэтнического конфликта.

Первое, что бросается в глаза, – многочисленность и слабость партий – и как носителей определенной идеологии, и как элемента политической системы. Практически ни одна из партий в любой из трех стран не может похвастаться тем, что избиратели проголосовали за ее идейную программу. Слабость партий на постюгославском пространстве объяснима не только пятидесятилетним правлением коммунистов. Ни во времена Австро-Венгрии и Сербии, ни во времена королевской Югославии политические партии не были ведущим элементом политической системы. Поэтому у подавляющего большинства людей, занятых политикой, нет ни традиций, на которые они могли бы опереться, ни собственных навыков политической деятельности. Нынешние партии, за исключением правящих, представляют собой небольшие объединения часто даже не единомышленников, а людей, преследующих свои собственные политико-карьерные цели. Значительная схожесть и расплывчатость программ позволяет политическим деятелям свободно переходить из одной партии в другую, а также создавать собственные, отличающиеся от прочих в основном сочетанием слов-паролей вроде «нация», «демократия», «либерализм», «право».

С точки зрения становления партий как элементов политической системы прошедшие выборы ни в одной из трех стран не стали шагом

вперед. Наоборот, они подтвердили тенденцию к ослаблению партий и их дальнейшему дроблению. В первую очередь это относится к оппозиционным партиям, которые можно назвать в большей или меньшей степени либеральными или демократическими. И дело не только в том, что сейчас отсутствуют экономические, социальные и политические условия, при которых исповедуемые этими партиями идеи «овладели бы массами». Это объясняется еще и тем, что сами лидеры и члены этих партий не избавились от наследия прошлого, что проявляется и в попытках договориться с властью за спиной своих союзников, и в междоусобных конфликтах, носящих характер отнюдь не борьбы идей, а борьбы самолюбий.

Чтобы привлечь на свою сторону избирателей, оппозиция, не имеющая ни в одной из стран конкретной и понятной избирателям альтернативной программы, в отчаянии пытается использовать националистические лозунги, стремясь таким образом отнять голоса как у правящих партий, так и национально-радикальных сил. Но это ведет, по сути, к окончательному краху демократического движения, ведь у приверженцев этнического национализма уже давно есть собственные кумиры, а демократы свой электорат неизбежно теряют. Разочаровавшись, люди просто отходят от политики. Значительный процент избирателей, не пришедших на избирательные участки, демократы и либералы, не сумевшие выставить единых кандидатов, могут считать своей неудачей.

Таким образом, у умеренных демократических и либеральных партий пока также нет реального выбора. Общая ситуация и настроения электората таковы, что политики не могут ему предложить ничего кроме той или иной модификации национальной идеи. Но в этом случае они не имеют никаких шансов победить нынешних президентов и их партийно-движения, сросшиеся с государственным аппаратом.

Выборы во всех трех странах показали, что в массовой идеологии и психологии на большей части постюгославского пространства по-прежнему господствует этнический национализм. Перелома в настроениях избирателей не произошло. Но харизматические лидеры предыдущего периода открытых вооруженных столкновений и создания национальных государств начинают понемногу утрачивать безусловную поддержку населения. В этой части политического спектра появились новые лидеры, что привело к организационной раздробленности националистических течений у сербов, хорватов и босняков (мусульман). Этот процесс будет продолжаться по мере продвижения к миру и усиления социальной дифференциации. Его новая стадия наступит после ухода с политической сцены Сл.Милошевича, Ф.Туджмана и И.Изетбеговича.

А пока каждому из этих лидеров-президентов удалось в той или иной степени сохранить и контроль над партиями, служащими им опорой, и над государствами, которые они возглавляют. Для достижения этой цели они использовали и используют, каждый по-своему, схожие и хорошо знакомые средства: подавление или ограничение распростра-

нения независимых СМИ, физическое воздействие на оппозиционных кандидатов, силовые структуры, «войну компроматов», манипулирование ходом голосования и подведением его итогов, а также псевдоопозиционными политиками. Избирателям не оставили реального выбора ни кандидаты, ни методы ведения избирательной кампании и подсчета голосов.

Однако выяснилось, что и Сл.Милошевич, и Ф.Туджман, и И.Изетбегович (не говоря уже о Р.Караджиче и его сторонниках) оказались сейчас в тупике: созданные ими моноэтничные государства не могут избежать социального застоя и криминализации. А решение экономических и социальных проблем, которые стояли еще перед СФРЮ и резко обострились теперь, просто лежит в другой плоскости.

Выборы на Балканах 1997 г. показали, что они сами по себе, тем более при многочисленных нарушениях и внешнем вмешательстве, не могут быть волшебной палочкой, которая мгновенно устранит не только межэтнические, но и внутринациональные политические конфликты, и на смену «плохим парням» приведет «хороших». Сопровождавшиеся многочисленными манипуляциями выборы, подобно экономическим санкциям, способствовавшим криминализации международных экономических отношений в этой части Европы, возымели обратный эффект. Фактическое превращение выборов в самоцель вместо экономической и финансовой помощи в создании новых рабочих мест и восстановлении разрушенной инфраструктуры нанесло ущерб самой идее установления демократии на значительной части постюгославского пространства.

Состоявшиеся выборы придали власти лишь видимость легитимности. Они не скрепили единство Боснии и Герцеговины, не упрочили ни мусульманско-хорватскую федерацию, ни Республику Сербскую. После выборов в Сербии и Хорватии происходит дальнейшее наступление на демократию. Получив мандат на власть, ни Сл.Милошевич, ни Ф.Туджман не хотят двигаться в сторону реального демократического решения национального вопроса в своих странах – албанского в Сербии и сербского в Хорватии. Хотя это не мешает им продвигаться к нормализации отношений между Белградом и Загребом. Существуют две возможности – распад или сохранение этих государств, причем каждый вариант таит в себе опасность крупномасштабного кровопролития. Некоторые наблюдатели полагают, что избрание М.Милутиновича президентом Сербии позволит Милошевичу спокойно выполнять Дейтонские соглашения. Но не получится ли так, что платой за Дейтон будет окончательная стагнация Сербии, которая на фоне межэтнических противоречий может привести к тому самому взрыву, которого так опасаются миротворцы?

Демократия выполняет свою функцию только там, где общество проникнуто идеями свободы, писал К.Поппер. Правоту этой идеи подтвердило и развитие политической ситуации в Югославии (Сербии и Черногории), Хорватии, Боснии и Герцеговине. Исход выборов определили не достоинства кандидатов и их программ, на которые ныне

ни в одном из государств почти никто не обращает внимание, а сочетание настроений протеста, безысходности и надежды на «сильную личность», которая сможет «навести порядок» и обеспечить «национальные интересы». Поэтому выборы сами по себе отнюдь не являются панацеей от всех бед и не могут заменить собой глубокие реформы и прочный мир, в которых давно нуждаются эти страны и народы.

Сказанное подтвердили выборы в Черногории и в парламент самопровозглашенной республики Косово (Косова) весной 1998 г. В обоих случаях, хотя и в разных обстоятельствах, будучи во многом разными явлениями по сути, они стали прежде всего проявлением этнической мобилизации населения, продолжением конфликта, а отнюдь не средством достижения гражданского согласия и межнационального мира.

Распад Югославии не завершен...

Албанская проблема существует не первое десятилетие. Ее суть состоит в том, что в результате мировых и региональных конфликтов и последовавшего за ними возникновения новых государств албанский народ оказался разделенным: одна его часть живет в независимом государстве Албания, а другая – на территориях, вошедших в состав сначала Сербии и Черногории, затем – королевской (после 1918 г.) и «титовской» (после 1945 г.) Югославии. И в самой СФРЮ территории, на которых проживали албанцы, оказались в разных республиках – Сербии, Черногории и Македонии. Последняя, как известно, после распада СФРЮ стала независимым государством.

В 1988–1989 гг. по инициативе начинавшего свою стремительную карьеру председателя Союза коммунистов Сербии Сл.Милошевича автономный статус Косово (как и другого автономного края – Воеводины), который по конституции СФРЮ давал автономным краям большие права и на уровне федерации, был ликвидирован¹³.

Обострение отношений в Косово стало в конце 80-х годов первым актом в драме распада Югославии. Именно события в Косово позволили Сл.Милошевичу развернуть свою политическую кампанию, основанную на сербском этническом национализме. Он использовал обусловленное историческими причинами столкновение двух национальных движений в процессе самоопределения. В этом он встретил поддержку значительной части сербского общества, включая и большую часть интеллигентов. Позиция этих сил была отражена в печально знаменитом Меморандуме Сербской академии наук и искусств, опубликованном в Белграде еще в сентябре 1986 г. Это был манифест сербского радикального национализма, который подверг открытой критике идеологию «титовской» Югославии, созданной на принципах антифашистской борьбы, «братства и единства наций и национальностей» и этнотерриториальной федерации. Авторы Меморандума решительно отвергли попытки расширения автономии краев, утверждали, что Сербия разделена на три части, резко негативно оценивали албанское национальное движение. Это был один из основных политических документов, приведших в посттитовской Югославии к прямому столкновению национальных

¹³ *Srpska strana rata. Trauma i ka-tarza u istorijskom pamcenju. Beograd, 1996; Malcolm N. Kosovo. A Short History. London, 1998; Silber L., Little A. Op. cit.*

¹⁴ Михаиловић К., Крстић В. «Меморандум САНУ». Одговори на криптике. Београд, 1995.

См. также: Изетбеговић А. Исламска декларација // Јевтић М. Оп. cit.; Deklaracija o hrvatskome jeziku (1967). Zagreb, 1991.

¹⁵ Ср. высказывания сербских и албанских политических деятелей и программные документы политических партий: Сани

В., Milivojević С. Космет или Косова. Београд, 1996; Petrović М. Pitaо sam Albance sta zele: a oni su rekli: republika... ako moze. Београд, 1995;

Демократска странка. Изборни програм 1992; Демократска странка Србије.

Програм и статут. Београд, 1993; Основе програма социјалистичке партије Србије. Београд, 1993;

Програмска начела српске народне обнове. Београд; Програм српске радикалне странке // Велика Србија.

Новине српске радикалне странке. Бр. 13. Г. V. Београд, 1994; Српски покрет обнове. Програм. Статут.

Дисциплински правил-ник. Београд, 1994; Demokratska partija. Deklaracija. Nacela. Program. Statut. Titograd, 1989; Gradanski savez Srbije. Medunarodni i medunacionalni odnosi. Nacr. Београд, 1997;

Platforma jugoslovenske levice. Београд, 1996.

движений народов, живших на одной территории, в процессе их национального самоопределения, к межнациональному конфликту, который в сочетании с социальными, политическими, экономическими и иными противоречиями в конце концов привел к распаду единого многонационального и полиэтничного федеративного государства¹⁴.

Со своей стороны, лидеры албанского национального движения решили воспользоваться сложившейся на рубеже 80–90-х годов ситуацией и попытаться добиться если не объединения албанских этнических территорий в одно государство, то хотя бы большего равноправия Косово как этнотерриториального образования в составе СФРЮ или реформирования государства. Однако албанское национальное движение на рубеже 80–90-х годов, когда решалась судьба каждой республики и народа, еще не обрело той силы, которая позволила бы ему добиться полного этногосударственного самоопределения. Как показывает опыт распада не только СФРЮ, но и СССР, государственной независимости в полном объеме не обрело ни одно из автономных образований.

Во многом требования противостоящих друг другу национальных движений однотипны. Они исходят из идейного наследия XIX в. – «исторического» и «естественного» права, а также национального принципа. Обосновывая свою позицию, те и другие ссылаются на резолюции ООН и иные документы международного права о национальном самоопределении, правах человека и национальных меньшинств, которые можно трактовать как в пользу одной, так и другой стороны. Большинство сербского общественного мнения воспринимает требования албанцев как сепаратизм, развал собственного национального государства, попытку отнять у сербов их исконные территории, на которых они проживали много веков и считают своей «колыбелью». Албанская сторона рассматривает сложившуюся ситуацию как «историческую несправедливость» не только со стороны сербов, черногорцев и македонцев, но и со стороны «великих держав», не допустивших создания албанского этнического государства¹⁵.

Вместе с тем нельзя отрицать закономерность вопросов, которые ставят представители албанского национального движения: почему славянским народам СФРЮ было предоставлено право на самоопределение, а неславянским нет, почему отделение этнотерриториальных федеральных единиц («республик») в составе СФРЮ международное сообщество признало, а отделению автономных этнотерриториальных образований оно препятствует?

В Косово происходит столкновение национальных движений двух народов, каждый из которых считает данную область своей этнической территорией. Эта территория должна входить в состав соответственно сербского или албанского моноэтнического государства. Ситуация осложняется и тем, что оба движения не только опираются на принцип «одна национальность – одна территория – одно государство – одна нация», но и на тоталитарную политическую культуру, доставшуюся им в наследство со времен Й.Броза Тито в Югославии и Энвера Ходжи в Албании.

Сложившаяся ныне конфликтная ситуация – результат не только длительного исторического развития, но и событий последних десяти лет. Ярko выраженная централистская политика Белграда вызывала все большее обострение отношений между албанцами и проживавшими в этом крае сербами, побудив часть последних уехать оттуда в собственно Сербию. Нынешние власти в Белграде для «исправления» этнодемографической ситуации попытались переселить в Косово сербов – беженцев из Хорватии и Боснии и Герцеговины. В результате эти люди стали беженцами во второй раз. А централистская политика Сл.Милошевича привела к тому, что Косово оказалось почти моноэтничной албанской территорией, что дает лидерам албанского национального движения дополнительный козырь в их требованиях национального самоопределения.

Распад СФРЮ, следствием которого стал конфликт в Косово, заставил по-иному взглянуть на некоторые принципиально важные проблемы посткоммунистического развития стран и народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Кризис в Косово выявил противоречия между несколькими ранее выработанными и казавшимися незыблемыми принципами: правом на национальное самоопределение и нерушимостью границ; нерушимостью границ и невмешательством во внутренние дела; национальным самоопределением и невмешательством.

Но в первом случае это не конфликт принципов, а вечный конфликт этноса и государства, который возникает в каждом государстве у каждого народа в определенный исторический период. Вместе с тем столкновение принципов территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела достаточно парадоксально. Например, может возникнуть ситуация, когда лишь иностранное вмешательство – будь то посредничество, размещение войск или иные меры – способно сохранить целостность государства. Даже формально нарушая суверенитет и выступая против воли народа, который всеми силами, с одной стороны, стремится к сохранению целостности многонационального государства, считая его «своим», а с другой – противится любому вмешательству извне при урегулировании конфликта с национальным движением другого народа, рассматривая это как вмешательство во внутренние дела¹⁶.

Многие эксперты и журналисты, пытаясь найти объяснение происходящему, пошли по пути сопоставлений, сравнивая ситуацию в Косово и Чечне¹⁷. Действительно, с правовой точки зрения – сохранение целостности полиэтничного государства, границ, обеспечение прав национальных меньшинств – такое сопоставление возможно. Но если иметь в виду очень существенные различия между проблемами Косово и Чечни с исторической и этнополитической точек зрения, то оно отнюдь не выглядит корректным и беспорным.

Если Косово в массовом сербском национальном сознании было и есть «колыбель сербской революции» (обоснованно или нет – иной вопрос), то Чечня никогда не играла подобной роли в русской истории

¹⁶ Абашидзе А.Х. *Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву*. М., 1996; *Medunarodno pravo i jugoslovenska kriza*. Zbornik radova. Beograd, 1996; Lutovac Z.M. *Manjine, KEBS i Jugoslovenska kriza*. Beograd, 1996; *Nacionalne manjine u medunarodnom i jugoslovenskom pravnom poretku*. Beograd, 1997.

¹⁷ См., напр.: *Московские новости*. 1998. № 30; *Известия*. 6. 08. 1998.

и национальном сознании. Это означает отсутствие очень сильного, пусть и основанного на мифе, мотивационного фактора. Чечня не занимает того места в этнической, психологической и исторической памяти русских, которое занимает Косово в сознании сербов. Чеченцы проживают в основном компактно, а их этническая территория не разделена между несколькими соседними государствами.

Российско-чеченский конфликт и не стал межэтническим конфликтом, хотя в его основе присутствует стремление чеченцев к национальному самоопределению, созданию независимого государства. Он носит скорее экономический, политический и стратегический характер, хотя чеченцы, как и албанцы в Косово, ставят вопрос о ликвидации «исторической несправедливости». В отличие от Косово, в Чечне речь не идет о самоопределении двух народов, проживавших в течение длительного времени на одной территории. Чеченское автономное образование никогда не было (подобно автономному краю Косово и Метохия) субъектом федеральной (общесоюзной) государственности. Но Косово и Чечню объединяет проблема сохранения территориальной целостности новых государств, возникших в ходе распада социалистических многонациональных государств.

Представляется, что далеко не все определяется прецедентом: «случай Косово» вовсе не обязательно станет примером для других народов и государств Европы, включая и Россию, хотя, безусловно, на него будут ссылаться в будущем. Следует также иметь в виду, что существуют и иные примеры решения подобных проблем. Необходимо учитывать и то, что международные правовые документы, касающиеся права на самоопределение, прав национальных меньшинств и т.д., весьма противоречивы и допускают толкования как в пользу центральной власти, так и национальных движений и этнотерриториальных образований в составе полиэтничных государств.

Сохранение границ в нынешней ситуации, при превращении многих внутренних административных границ в межгосударственные, когда разморожен процесс национального самоопределения, задавленный тоталитарным режимом, когда этническая общность является единственным базисом (поскольку нет ни гражданского общества, ни рыночной экономики) и субъектом права, в сознании населения – единственный способ сохранения мира. Иначе отношения между народами могут превратиться в нескончаемый вооруженный конфликт, ибо передел границ не исправляет старые несправедливости, а порождает новые: ведь создать новое моноэтническое государство на территории, на которой в течение долгого исторического периода проживают два или несколько народов, без «этнических чисток» невозможно.

Таким образом, возникает ситуация, когда этнический принцип получает приоритет перед принципом целостности государства. А ведь именно против такого подхода, порождающего этнический национализм, и проводится операция СФОР в Боснии. Это создает взрывоопасную ситуацию во всей Европе. Но очевидно, что государство, в котором сербы

и албанцы-косовары будут проживать совместно лишь под давлением внешнеполитических обстоятельств, не будет внутренне стабильным. Не станет оно и элементом международной стабильности на Балканах.

Границы, установленные после второй мировой войны, не вечны. Тем более это относится к такому специфическому региону, как Балканы. Задача конца XX – начала XXI вв. состоит в поисках путей мирного их изменения, по возможности без утраты стратегической и региональной стабильности. Иное развитие событий будет означать поражение демократии и приведет к общей дестабилизации ситуации в Центральной и Юго-Восточной Европе и на континенте в целом.